

*Д.В. Зайцева**

УЧАСТИЕ Ж.-Л. ТАЛЬЕНА В РАЗГРОМЕ КИБЕРОНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ РОЯЛИСТОВ

В 1795 г. Французская республика пережила две мощных атаки со стороны роялистов: вандемьерский мятеж и Киберонский десант, которые были отбиты с большим трудом. Но на судьбе тех, кто со стороны республиканцев руководил отражением этих атак, произошедшее сказалось совершенно по-разному. Если Наполеону Бонапарту подавление вандемьерского мятежа принесло славу и дало толчок к дальнейшему взлету, то для Жан-Ламбера Тальена, одного из ведущих деятелей термидорианского Конвента, киберонский разгром роялистов, в котором он сыграл активную роль, стал началом конца политической карьеры. В статье автор предпринимает попытку проанализировать, почему именно Киберонская экспедиция ускорила политическое падение Тальена.

Ключевые слова: Французская революция XVIII в., Ж.-Л. Тальен, Киберонская экспедиция, роялисты

DOI 10.32608/0235-4349-2019-1-52-42-52

Летом 1795 года – переломного года Французской революции, когда Конвент после падения системы Террора торопился создать новую конституцию, призванную определить дальнейший путь развития страны; когда термидорианцы продолжали активно преследовать бывших «террористов», стремясь не допустить восстановления недавно свергнутой системы революционного правления; когда уже однажды усмиренная огнем и мечом Вандея вновь подняла белое знамя роялистского мятежа, – на побережье Бретани возле полуострова Киберон высадились с английских военных кораблей пять с лишним тысяч французских эмигрантов, чтобы сплотить вокруг себя всех противников Республики, сокрушить ее

* Зайцева Дарья Владимировна, младший научный сотрудник Лаборатории западноевропейских и средиземноморских исторических исследований Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва); младший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00226 «Распространение либеральных ценностей в регионах традиционной культуры периода Французской революции и Наполеоновских войн: методы и результаты»).

и возвести на трон Людовика XVIII – брата казненного революционером короля.

1 июля 1795 г., после получения известий о появлении у Киберона английской эскадры, Комитет общественного спасения отправил своих представителей – Жан-Ламбера Тальена и Клод-Антуана Блада в западные департаменты, чтобы «предпринять наиболее действенные меры и воспрепятствовать высадке врагов Республики»¹, наделив депутатов неограниченными полномочиями и снабдив их суммой в три тысячи ливров². 3 июля президент Комитета общественного спасения Ж.-Ж. Камбасерес сообщил Тальену и Бладу, что Национальный конвент горячо приветствовал назначение их в столь важную миссию и рассчитывает на их «энергию и действенность мер, которые будут предприняты, чтобы расстроить гнусные планы наших трусливых и коварных врагов»³. В тот же день Тальен и Блад написали Комитету общественного спасения о том, что генерал Ж.-Б. Обер-Дюбайе отправил генералу Л.-Л. Гошу, командовавшему республиканскими войсками в Бретани, подкрепление – несколько воинских частей, прибывших из Ренна и с Ла-Манша; поэтому, если англичане или эмигранты осмелятся на высадку, «они найдут здесь многочисленные и отважные войска, готовые их уничтожить»⁴. И, действительно, в развернувшемся на Кибероне с 19 по 21 июля 1795 г. решающем сражении высадившиеся эмигранты и поддерживавшие их местные крестьяне-роялисты – шуаны – были разгромлены республиканскими войсками генерала Гоша.

Взятых в плен роялистов было приказано отправить в близлежащий городок Оре. Генерал республиканцев Ж.-Ж. Юмбер обратился к пленным эмигрантам и их предводителю графу Ш.-Э. Сомбрёю, попросив дать слово, что они не будут искать возможности совершить побег во время перехода в Оре, иначе наказание взамен бежавших понесут оставшиеся. Пленники дали слово чести⁵. Вечером 21 июля под присмотром немногочисленной стражи первая колонна, состоявшая примерно из девятисот эмигрантов, была направлена в Оре. Два дня спустя туда же под охраной шести сотен гренадеров были доставлены остальные пленники – еще три ты-

¹ Recueil des actes du Comité de Salut public. T. 25. P., 1918. P. 32.

² Ibid. P. 33.

³ Ibid. P. 106.

⁴ Ibid. P. 112.

⁵ Villeneuve, L.-G. de. Mémoires sur l'expédition de Quiberon. P., 1819. P. 154.

сячи шуанов и эмигрантов. На протяжении всего пути конвоиры давали возможность шуанам бежать и даже не пытались их преследовать. Некоторые даже сами советовали им уйти под покровом ночи, чтобы избежать наказания. Что касается эмигрантов, дворян и офицеров Сомбрёя, то они, будучи верны данному слову, попыток побега не предпринимали.

Депутат Блад приступил к организации специальной военной комиссии (трибунала), призванной определить судьбу пленных. Вскоре после того, как комиссия была создана, ее члены сообщили, что пленники ссылаются на данные им при капитуляции обещания, согласно которым всем добровольно сдавшим оружие будет сохранена жизнь. В ответ на это Блад заявил, что никакой капитуляции не было и распустил военную комиссию, создав вместо нее новую. Об отсутствии капитуляции заявил и генерал Гош: «Я находился во главе семисот гренадеров, которые захватили господина Сомбрёя и его дивизию. Ни один солдат не потребовал, чтобы с эмигрантами обошлись как с военнопленными»⁶. Задержка, вызванная роспуском военной комиссии и созывом новой, предоставила Тальену возможность попытаться убедить Конвент сохранить пленникам жизнь. По свидетельству своего помощника⁷ изначально он действительно стремился спасти эмигрантов, попавших в плен на Кибероне. Один из исследователей отмечает, что это «чувство человечности» не в последнюю очередь пробудили у него два письма супруги - Терезы Тальен, которая активно противилась его участию в этой миссии⁸. Тереза изначально не одобряла поездку Тальена на Киберон и всячески старалась отговорить его от этой затеи. Она оставила Тальену письмо, в котором призывала отказаться от поручения Комитета общественного спасения:

«Станете ли вы официальным палачом тем несчастным, чьи семьи вы спасли 9 термидора? <...> Поверьте мне, не обесценивайте свою славу! Откажитесь от этой миссии, результаты которой слишком легко предвидеть, и которая снова покроет Францию трауром и позором. Почему вы боитесь отказаться? Из-за того, что вы вызовете недоверие у людей, пути с которыми разошлись еще 9 термидора? Признает ли ваша совесть это возвращение к принципам террора, от

⁶ Письмо Гоша в газету *Courrier universel*. Цит. по.: *Lacap H. Notice sur Tallien. Bordeaux, 1959. P. 113.*

⁷ *Rouget de Lisle. Historique et souvenirs de Quiberon. Rennes, 1995. P. 122.*

⁸ *Tabeur J. Paris contre la Province! Les guerres de l'Ouest, 1792-1796. P., 2008. P. 238.*

которых вы тогда отреклись? Вы, как обычно, ответите мне, что вы республиканец, <...> что вы больше не можете следовать иным путем, не лишаясь при этом чести <...>. У меня слишком мало времени, чтобы повторять то, что я уже сто раз вам изложила в этом письме; теперь я всего лишь прошу вас не быть убийцей <...>. Не обижайтесь, это подходящее слово, потому что вы не можете быть никем иным, если собираетесь ехать в Вандею»⁹.

На следующее утро Тереза написала еще одно письмо, акцентируя внимание на том, какую угрозу репутации Тальена представляет это предприятие:

«Вы уехали <...>. Не увидев меня, не услышав моего голоса, голоса вашей совести, вы уехали! <...> Вам скажут, как уже осмелились сказать это позавчера в моем присутствии, что только вы можете выполнить эту важную миссию. Но только вы один не поняли, что те, кто обратился к вам, хотели вернуть вас в свои ряды – человека, который их предал, которого они считают изменником и за которым необходимо следить. Итак, они дали вам помощника <...>. Итак, вы подчиняетесь партии, которую вы же и разгромили; из опоры и защитника несчастных вы становитесь их палачом. Ах, не удивляйтесь неблагодарности, вы ее заслужили! <...> Боже, как жаль! Тальен, откройте глаза, у вас больше не будет друзей, не будет сторонников, у вас не будет даже завистников – со всех сторон будут только обвинители: какое положение и какое будущее!»¹⁰.

Несмотря на мольбы любимой женщины, Тальен всё же поехал в миссию, которая станет началом краха его политической карьеры...

Вскоре после победы войск генерала Гоша и захвата пленных, Тальен отправился в Париж вместе со своим помощником – автором «Марсельезы» Клодом Жозефом Руже де Лилем. По словам Руже де Лиля, до того он никогда не общался с Тальеном и даже не знал его в лицо, но испытывал к нему безграничное расположение и благодарность, поскольку тот, зная, что известный поэт и композитор при Терроре оказался в тюрьме, уже через несколько дней после термидорианского переворота добился от Комитета общей безопасности приказа об освобождении Руже де Лиля. Когда Тальена отправили на Запад, он предложил Руже де Лилю сопровождать его. Так завязалось их знакомство. В воспомина-

⁹ Цит. по: *Conny F. de Histoire de la Révolution de France*. P., 1847. Т. 8. P. 287-289.

¹⁰ *Ibid.* P. 289-290.

ниях о событиях на Кибероне Руже де Лиль большое внимание уделяет своему спутнику, неизменно отзываясь о нем с искренней симпатией и характеризуя как пылкого и храброго человека, который избавил страну от Робеспьера и тем самым «оказал безмерную услугу всему человечеству». На протяжении всего обратного пути в Париж Тальен, по словам Руже де Лилья, «был одержим единственной мыслью – о том, как спасти попавших в плен на Кибероне роялистов». По дороге Тальен придумал план, согласно которому, он поднимется на трибуну, доложит Конвенту о результатах своей миссии на Кибероне, а затем попытается «воззвать к милосердию нации во имя человечества, во имя победы, во имя генерала и его армии, прося полной амнистии для повстанцев и сохранения жизни эмигрантам при условии их вечного изгнания»¹¹.

Во время отсутствия Тальена к его супруге Терезе часто приходили посетители, в том числе и бывший жирондист Ж.-Д. Ланжюине, стремившийся узнать у нее новости с Киберона. В то же время он информировал ее о событиях в Конвенте. Он-то и сообщил, что в последнее время ежедневно поступают доносы на Тальена с обвинениями его в роялизме, ибо только «роялист» мог совершить переворот 9 термидора, в чем убеждают и происходящие на Кибероне события. Тереза по возвращении Тальена 26 июля пересказала ему то, что сообщил Ланжюине. По словам Руже де Лилья, присутствовавшего при разговоре супругов, «Тальен пристально посмотрел на меня, и в его взгляде я прочел, что не следует рассчитывать на его заступничество за пленных»¹².

27 июля 1795 г., в первую годовщину термидорианского переворота, Тальен взошел на трибуну Конвента, чтобы отчитаться о разгроме Киберонской экспедиции. Следуя составленному ранее плану, он с присущим ему красноречием начал рассказывать о победе над вражескими войсками:

«Приветствую тебя, о величественная эпоха, когда народ уничтожил тиранию. Радостная, трижды радостная годовщина, когда защитники отечества разбили коалицию иностранцев и отцеубийц! Приветствую тебя!

Комитет общественного спасения приказал нам победить врагов Республики, которые осмелились вторгнуться на ее терри-

¹¹ *Rouget de Lisle*. Op. cit. P. 122.

¹² *Ibid.* P. 123.

торию. Всё исполнено. Республиканская армия победила армию контрреволюционеров»¹³.

Речь Тальена постоянно прерывалась шумными возгласами одобрения и сопровождалась радостными криками, перемежавшимися проклятиями в адрес роялистов¹⁴. Однако вторая часть речи, где, по словам Руже де Лилия, предполагалось призвать к освобождению пленных, так и не была произнесена. Более того, Тальен попытался усугубить вину эмигрантов. Он поднялся на трибуну с клинком в руке, заявив, что это отравленный кинжал один из тех, которыми были вооружены высадившиеся на полуострове роялисты¹⁵. По утверждению одного из современников, ещё находясь на Кибероне, Тальен самостоятельно отравил один из клинков, а затем «привел собаку и пронзил ее кинжалом на глазах всех присутствующих, отчего животное погибло в страшных мучениях»¹⁶. После выступления Тальена в Конвенте не нашлось никого, кто возразил бы против тут же принятого и отправленного в Оре решения предать смертной казни всех захваченных в плен эмигрантов старше 17 лет. Реально же из пяти с лишним тысяч пленных осудили на смерть более семисот эмигрантов и шуанов¹⁷.

Высказавшись за казнь роялистов, Тальен оттолкнул от себя умеренные политические круги, а политики радикального толка и без этого его не любили за участие в перевороте 9 термидора. Ситуация осложнялась тем, что при наличии письменной капитуляции и официальной сдачи эмигрантов в плен вынесение им смертного приговора выглядело не только бесчеловечным, но и бесчестным. Однако существование капитуляции роялистов до сих пор является спорным вопросом. О ней так или иначе упоминали многие участники тех событий. Например, Л.-Ж. де Вильнёв в мемуарах пишет, что обсуждал в плену с товарищами ее статьи¹⁸. По его словам, Гош обещал эмигрантам возвращение на суда для отъезда в Англию, после чего начал оживленный диалог с Сомбрёем, обсуждая с ним детали капитуляции. Вильнёв вспоминал, что сразу после поражения пленные хотели броситься в море, но республи-

¹³ Tallien J.-L. Rapport fait à la Convention Nationale dans la séance du 9 thermidor, an 3. P. 1.

¹⁴ Rouget de Lisle. Op. cit. P.124.

¹⁵ Tallien J.-L. Op. cit.

¹⁶ Villeneuve, L.-G. de. Op. cit. P. 233-234.

¹⁷ Charles-Vallin T. Tallien: le mal-aimé de la Révolution. P., 1997. P. 164.

¹⁸ Villeneuve, L.-G. de. Op. cit. P., 1819. P. 145.

канцы убедили их не делать этого, не раз заявив, что капитуляция сохранит им жизнь¹⁹. Несмотря на обсуждение Гоша с Собмрём возможной капитуляции, отсутствие письменного соглашения позже позволило ему отрицать существование таковой²⁰.

По словам историка А. Неттмана, республиканская армия, которая не зависела от политических интриг, «до последнего считала роялистов военнопленными и обращалась с ними как с побежденными, но достойными и несчастными французами»²¹. Это подтверждают слова одного из спасшихся роялистов М. де Шомерея, который оказался с несколькими своими соратниками в стане республиканской армии, где они не услышали в свой адрес «не только ругательств, но даже ни одного нелюбезного слова. Всюду мы видели интерес, смешанный с жалостью»²². По его же свидетельству, Тальен изначально отнесся с симпатией к побежденным и даже высказал своё сочувствие Сомбрёю²³, однако вскоре поменял свое отношение.

Один из участников событий, виконт де Ля Вильгурьё, которому удалось избежать казни, утверждал, что Тальен со своими сторонниками предпринимал всяческие уловки, чтобы уничтожить информацию о соглашении между роялистами и республиканцами, или, по меньшей мере, поставить ее под сомнение²⁴. Вильнёв вспоминал, что роялистам удалось получить документы, в которых содержался отчет Тальена Конвенту о взятии форта Пантьевр: там излагались ложные сведения о вооружении роялистов отравленными кинжалами и отсутствовало какое-либо упоминание капитуляции²⁵. Он отмечал, что этот отчет мог бы ухудшить судьбу пленных, но, благодаря Бладу, «более гуманному, чем его коллега», а также благодаря доброте, проявленной большинством гарнизона, положение роялистов улучшилось на некоторое время²⁶.

Наполеон, упоминая в своих мемуарах Киберонскую экспедицию, писал, что генерал Гош якобы давал возможность военно-

¹⁹ Ibid. P. 175.

²⁰ *Nettement A.* Quiberon, souvenirs du Morbihan. P., 1882. P. 224.

²¹ *Nettement A.* Op. cit. P., 1882. P. 224-225.

²² *Chaumereix M. de.* Relation de M. De Chaumereix, Officier de la marine: échappé aux massacres d'Aurai et de Vannes. Londres, 1795. P. 9.

²³ Ibid.

²⁴ *Villegourio de la, L.V.* Ma sortie de Quiberon. Saint-Brieuc, 1815. P. 35.

²⁵ *Villeneuve, L.-G. de.* Op. cit. P. 233-234.

²⁶ Ibid.

пленным спастись, оставив их на ночь без охраны. Однако большинство из них не воспользовалось этим, и Тальен безжалостно приказал расстрелять Сомбрёя и его спутников. Причем Наполеон подчеркивал необъяснимость такого поведения Тальена, который, по его словам, «был связан с принцами»²⁷. В то же время Наполеон в некоторой степени оправдывал Тальена, считая, что он не так виновен в расстрелах, как Ф.-А. Шаретт, расстрелявший две тысячи пленников, которые были захвачены после разрыва договора в Ля Жоней, ибо Шаретт руководствовался жестокостью, а Тальен – законом²⁸.

Уроженец Киберона аббат Эжен Ле Гаррек, изучавший в XIX в. историю роялистской экспедиции, полагал, что Тальен, несмотря на приятную наружность, теплый взгляд и доброжелательное выражение лица был «одним из наименее приятных персонажей Революции». Ле Гаррек утверждал, что именно от смелости Тальена зависела судьба пленных: если бы тот не побоялся сообщить о факте капитуляции и об ее условиях для обеих сторон, пленные были бы спасены. Ле Гаррек полагал, что капитуляция существовала, но Тальен не сказал о ней, будучи заранее уверен в молчании Гоша и соучастии Блада²⁹. Гош действительно солидаризировался с Тальеном в письме ему от 27 термидора (14 августа 1795 г.), заявив, что после пылкой речи того в Конвенте «мои враги наверняка вас не простят»³⁰.

Надо заметить, что политические противники, а затем и историки часто обвиняли Тальена в сношениях с роялистами, предательстве республиканских идеалов и постоянной смене политической ориентации в собственных интересах. Тальен был одним из тех термидорианцев, которых французский историк П. Тюрю-Данжен охарактеризовал следующим образом: «Никто из них не подумал бы о том, чтобы пожертвовать собой для спасения республики, и все они охотно жертвовали бы республикой, чтобы спасти себя»³¹. Однако, несмотря на неоднократно высказывавшиеся подозрения, какие-либо весомые доказательства связей Тальена с роялистами отсутствуют. К тому же в 1795 г. обвинение в роялиз-

²⁷ Mémoires pour servir à l'histoire de France sous Napoléon, écrits à Sainte Hélène. P., 1825. T. 6. P. 287.

²⁸ Ibid. P. 288.

²⁹ *Le Garrec E.* Quiberon. Vannes, 1895. P. 38.

³⁰ *Cuneo d'Ornano E.* Hoche, sa vie, sa correspondance (avec douze croquis). P., 1892. P. 168.

³¹ *Thureau-Dangin P.* Royalistes et Républicains. P., 1888. P. 31

ме было распространенным политическим ярлыком, «удобным для наклеивания на оппонента, независимо от того, тяготел ли он к роялистам на самом деле»³².

Тальен, несмотря на свои первоначальные намерения, не вступился за пленных, ибо прежде всего опасался за свою судьбу. Упреки в роялизме, которые всё чаще начали раздаваться в его адрес после термидорианского переворота и усилились в период Киберонской миссии, вынудили его заботиться о собственной безопасности и отказаться от изначально подготовленной им речи в защиту пленных эмигрантов. Однако многие современники, а затем историки, сочли Тальена непосредственным виновником расстрела эмигрантов. По словам А. Матьеза термидорианцы «стали презирать и ненавидеть Тальена, который раньше был для них божеством. Они предпочитали верить, что соглашение о капитуляции существовало и что только Тальен распорядился применить закон»³³. Однако прямых доказательств существования капитуляции, которые подтвердили бы ответственность Тальена за убийство эмигрантов, в чем его зачастую обвиняли³⁴, так до сих пор не найдено. Что же касается плохой репутации, созданной Тальену его политическими противниками и подхваченной затем историками, то доказательством чего бы то ни было она сама по себе не является.

Список литературы

- Бовыкин Д.Ю.* Король без королевства. Людовик XVIII и французские роялисты в 1794-1799 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2016 [*Bovykin D. Yu. Korol' bezkorolevstva. Lyudovik XVIII i frantsuzskie royalistyv 1794-1799 gg. Moskva: Politicheskaya ehntsiklopediya, 2016*].
- Charles-Vallin T.* Tallien: le mal-aimé de la Révolution. Paris: Jean Picollec, 1997.
- Chaumereix M. de.* Rélation de M. de Chaumereix, Officier de la marine: échappé aux massacres d'Aurai et de Vannes. Londres: Imprimerie de T. Baylis. 1795.
- Conny F. de.* Histoire de la Révolution de France. Paris: Librairie, rue Sainte-Anne, 1847. Т. 8.

³² *Бовыкин Д.Ю.* Король без королевства. Людовик XVIII и французские роялисты в 1794-1799 гг. М., 2016. С. 131.

³³ *Mathiez A.* La réaction thermidorienne. Genève, 1975. P. 280.

³⁴ *Lacretelle C.* Dix années d'épreuves pendant la Révolution. P., 1842. 402 p.

- Cuneo d'Ornano E.* Hoche, sa vie, sa correspondance (avec douze croquis). Paris: Librairie Militaire J. Dumaine, L. Baudon et C-ie, 1892.
- Lacap H.* Notice sur Tallien. Bordeaux : Taffard, 1959.
- Lacretelle C.* Dix années d'épreuves pendant la Révolution. Paris: Dufart, 1842.
- Le Garrec E.* Quiberon. Vannes: Imprimerie Lafolye, 1895.
- Mathiez A.* La réaction thermidorienne. Genève, 1975.
- Mémoires pour servir à l'histoire de France sous Napoléon, écrits à Sainte Hélène. Paris: Firmin Didot père et fils; Bossange frères, 1825. T. 6.
- Nettement A.* Quiberon, souvenirs du Morbihan. Paris: Librarie Victor Lecoffre, 1882.
- Recueil des actes du Comité de Salut public. T. 25. Paris: Imprimerie Nationale, 1918.
- Rouget de Lisle.* Historique et souvenirs de Quiberon. Rennes : La Découverte éditions, 1995.
- Tabour J.* Paris contre la Province! Les guerres de l'Ouest, 1792-1796. Paris: Economica, 2008.
- Tallien J.-L.* Rapport fait à la Convention Nationale dans la séance du 9 thermidor, an 3. P., s.d.
- Thureau-Dangin P.* Royalistes & Republicains. Paris: Librairie Plon, 1888.
- Villegourio de la, L.V.* Ma sortie de Quiberon. Saint-Brieuc: Chez Prudhomme Impr.-Libraire, 1815.
- Villeneuve, L.-G. de.* Mémoires sur l'expédition de Quiberon. Paris : Le Normant, Imprimeur-Libraire, 1819.

PARTICIPATION OF J.-L. TALLIEN IN THE DEFEAT OF THE ROYALIST QUIBERON EXPEDITION IN 1795

In 1795, the French Republic survived two powerful attacks from the royalists: the battle of 13 Vendémiaire and the Battle of Quiberon, which were repelled with great difficulty. But the fate of those who led the reflection of these attacks, they influenced in completely different ways. If the suppression of the Vendémiaire riot brought the fame for Napoleon Bonaparte, the defeat of the royalists on the Quiberon peninsula, in which Jean-Lambert Tallien played an active role, became the starting point of the decline of his political career. The author of the article analyzes why the Battle of Quiberon brought a political fall for Talien.

Keywords: French Revolution of the 18th century, J.-L. Tallien, the Battle of Quiberon, Royalists

*Daria Zaytseva,
Junior Research Associate,
Laboratory of Western European and
Mediterranean Historical Studies,
State Academic University for the Humanities;
Junior Research Associate,
Institute of World History (Moscow)*